

алесь
кожедуб

Иная русь

Алесь Кожедуб

Иная Русь

«Алисторус»

2009

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

Кожедуб А.

Иная Русь / А. Кожедуб — «Алисторус», 2009

ISBN 978-5-6993-8955-1

Эта книга впервые в российской исторической литературе дает полный и подробный анализ этногенеза западной ветви восточнославянского этноса и его развития от древнейших времен до Средних веков. Автор представляет на суд читателей свою сенсационную интерпретацию пантеона славянских богов, что, без сомнения, будет интересно для всех интересующихся историей дохристианской Руси. Книга написана живым языком, главы из нее публиковались в периодике.

УДК 63.3(2)

ББК 94(47)

ISBN 978-5-6993-8955-1

© Кожедуб А., 2009

© Алисторус, 2009

Содержание

Часть первая	5
Жива и род	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алесь Кожедуб

Иная Русь

Часть первая

Белая и Черная русь

Жива и род

Человек, который хочет узнать о своем начале, прежде всего приглядывается к земле, что его взрастила. Каждый народ имеет свою землю, и эта земля – урожайная, песчаная, лесная, ветровейная, болотная или оснеженная – обязательно передает людям свой облик. Сына пустыни не спутаешь с сыном лесов, это так же естественно, как и отличие языка леса от языка пустыни. Однако кое-кто скажет, что данному народу не обязательно жить на родной земле. И многие из них живут далеко от своих прародин. Действительно, во времена великих переселений народов сыновья неоглядных степей уходили в леса, и наоборот. За примерами далеко ходить не надо. Болгары из приазовских степей пришли на склоны Родоп – и обжили их, вспахали, научились растить виноградные лозы, ну а пасти овец, коров да коней их учить не надо было. Из-за Волги на Дунай пришли угры. А готы, ходившие почти по всей Европе? Они всегда соседнили со славянами, сталкивались с ними на всех великих пограничьях славянского мира. Да, народы могут жить далеко от своей прародины, но они всегда будут о ней помнить. И никого не удивишь тем, что язык финнов близок к языку угров.

Пути народов неизведанны.

А если заглянуть еще дальше, во времена древнеевропейской общности?

Археологи и лингвисты выяснили, что самыми ранними из известных славянских племен были племена культуры подклошевых захоронений, которые в 400–100 годах до нашей эры занимали бассейн средней Вислы и соседние земли Одерского бассейна. Ближайшими соседями этих праславян были балты, которые заселяли огромную территорию от Балтийского моря до верхней Оки. Балты уже тогда делились на три диалектные группы – западную, восточную и днепровскую.

Распад древнеевропейского языкового единства, куда входили будущие кельты, италики, германцы, иллирийцы, славяне и балты, прошел через несколько этапов. И одними из первых, еще во втором тысячелетии до нашей эры, из него выделились балты. Славяне же, славянские диалекты оставались в этом единстве до середины первого тысячелетия до нашей эры. Значит, балтские диалекты пошли по своему отдельному пути на тысячу лет раньше славянских. Однако много это или мало для языка – тысяча лет?...

Безусловно, племена культуры подклошевых захоронений не возникли на пустом месте. Археолог В.В. Седов считает, что они сформировались от взаимодействия и метисации (смешения) племен восточных групп лужицкой культуры с племенами поморской культуры. Вероятно, как раз поморские племена и принесли в язык славян те особенности, которые объединяют его с балтским. Эти же особенности дали ученым возможность говорить о существовании балто-славянского языка или балто-славянской языковой общности. Но это только научная гипотеза, не больше.

Ранние славяне во второй половине первого тысячелетия до нашей эры тесно сталкивались с предками пруссо-явтяжских племен.

В первом веке до нашей эры в Припятском Полесье и на среднем Днепре как ответвление поморской

культуры складывается зарубинецкая культура. По языку носители последней культуры были близки как к славянам, так и к западным балтам. В зависимости от обстоятельств они могли стать и балтами и славянами. Так оно и было. Потомки зарубинецкого населения, которые расселились в поречье Десны и на Оке, пополнили балтское население этого региона и передали ему западные языковые особенности. С другой стороны, та часть зарубинецкого населения, которая осталась на среднем Днепре, приняла участие в генезисе славян.

В первой половине первого тысячелетия нашей эры славяне по-прежнему заселяли Повисленье, а со II века нашей эры они подались уже в лесостепные области междуречья Днестра и Днепра. В этот период славяне и балты соседнили на огромных просторах от Вислы до Днепра.

Так свидетельствует археология.

Обратимся теперь к языковедческим источникам. Народы во времена самых сильных миграций проходят по той либо другой земле, где задерживаются, где незаметно проскальзывают, где уничтожают и жгут, а где строят, – однако на любой земле они встречаются с большими реками, большими горами, большими озерами, в конце концов – с морями. И вот уже эти названия – последняя инстанция. Народы приходили и уходили, а реки, горы и озера оставались, и были они не одну, не две, даже не три тысячи лет. Относительно человека можно сказать: текли и стояли они вечно. Так вот, их названия приходят к нам из той давности, проникнуть в которую не может слабый человеческий глаз. Человека еще не было, а горы эти стояли, реки текли, озерная гладь блестела в полнолуние, и леса заглядывались на степи, из которых сухие ветры несли запахи сладких трав.

Конечно, у разных народов те же реки могли называться по-разному, кому Днепро, кому Борисфен, то же самое с Волгой-Итилем, Дунаем-Истром, Доном-Танаисом, Вилией-Нерис и так далее. Однако касалось это чаще всего больших рек, тех, о которых могли услышать даже в Элладе или у подножия Гималаев. Да, собственно, эллинам можно простить что угодно, они имели право любую реку называть по-своему. Эллины! Но вот моя полесская Цна, река, на которой я родился, испокон веку была и есть Цной. «Левый приток Припяти, длина сто десять километров, протекает среди Пинских болот. Паводок начинается в марте и поддерживается до конца лета дождями и стоками из болот, замерзает в конце декабря, ледоход начинается в конце марта. Сплавная». Последнее слово из Большой Советской Энциклопедии можно выкинуть, потому что не только сплавать нечего – речка уже не та. Кстати, Энциклопедия природы Белоруссии дает немного другие сведения: «Длина сто двадцать шесть километров. Начинается мелиорационным каналом за 0,5 км на В от д. Гайнинец Ляховичского р-на... Русло в верхнем и среднем течении канализованное. Берега крутые и обрывистые, в верхнем и среднем течении заболоченные и закрытые кустарником, в нижнем – песчаные, в половодье разрушаются».

Написано пристойно и скромно. А на самом деле? Видно, когда-то была рядом с деревней Гайнинец криница, из которой выбивалась река, а теперь «начинается мелиорационным каналом». «В верхнем и среднем течении канализованная» – это значит, что среди Пинских болот бежит уже не река, а обычная грязная канава, в которой ни омота, ни бухточка, ни песчаного плеса. Когда-то на одном из них – нагретом солнцем, чистом, воздух над мелководьем настоян на июльском разнотравье, звонком от стрекота кузнечиков, – я учился нырять да плавать. Сейчас мчится быстрая вода, не за что ей зацепиться, чтобы закружиться под обрывом, притишиться, отстояться, опять стать той чистой водой, в которой есть и рыба и раки. Бежит вода, несет торфяную крошку, щепки, которые напоминают о прежних лесах по обеим сторонам реки. Еще на моей памяти в Ганцевичах была большая эстакада, на ней грузили в вагоны лес и вывозили по железной дороге. И на моей же памяти начали распахивать заливные луга,

грохотали по-над берегами тяжелые трактора, выворачивали длинными лемехами дерн – и это был конец реки...

Так вот, кроме моей Цны, в Белоруссии есть еще три реки с таким же названием в бассейнах Березины, Днепра и Вилии. Они совсем маленькие. Первая, приток Гайны, длиной шестьдесят шесть километров. Вторая, приток Уши, двадцать три километра. Третья, приток Свислочи, четырнадцать километров. Но разве в километрах дело? Моя Цна струится-плещется на Пинском Полесье, гайновская – в Логойском районе, это самый центр Белоруссии, ушачская течет в Молодечненском и Вилейском районах, где-то на пограничье с Литвой, а днепровская – в Минском районе, тоже в центре.

Однако есть реки с названием Цна и в средней России. Одна из них, длиной сто шестьдесят пять километров, течет в Тверской области, впадает она в озеро Мстино, это на Валдайской возвышенности. Вторая российская Цна протекает по Мещерской низине в Московской области, впадает в Оку, длина ее сто четыре километра. И третья, самая крупная, бежит по Окско-Донской низине, она главный левый приток Мокши, длина четырехсот шестьдесят пять километров. На ней стоят города Тамбов и Моршанск.

О чем же говорят эти реки и речки с названием Цна? А о том, где жили и как расселились балты во времена древнеевропейской общности. Гидроним «Цна», как и тысячи других балтских гидронимов и топонимов, свидетельствует, что балты селились на территориях современной Литвы, Латвии, Белоруссии, кроме части западного Полесья, на Черниговском, Киевском, Житомирском и частично Ровенском Полесье, в России на запад от линии Псков – Тверь – Нижний Новгород – Тамбов – Курск, в нынешней Калининградской области и в северо-восточной части Польши. Что и говорить, немаленькая страна с этим условным названием – Балтия.

А славяне, наши непосредственные предки? С ними, как ни странно, все намного сложнее. Ясно, что славяне всегда соседствовали с балтами, перемешивались с ними, ассимилировали – однако откуда и куда они шли? Было ли одно стратегическое направление их движения по просторам Азии и Европы?

Первое упоминание о славянских землях мы найдем у Геродота: «Говорят, что область, которая находится выше (по Борисфену) жителей верхних частей страны в направлении к полуночному ветру, невозможно ни разглядеть, ни пройти далеко в глубину из-за падающих перьев». «Падающие перья» – это, безусловно, снег. Так видел нашу землю из своей теплой сине-зеленой Эллады Геродот. Невозможно ни разглядеть, ни пройти... Литовские же племена, которые находились еще дальше, Геродот вообще называл людоедами (андрофагами).

Что ж, из сказочной ойкумены, увенчанной Олимпом, наша земля как раз и может показаться невероятно холодной и необъятной. Тот же Геродот, описывая Скифию, отметил, что в этой стране нет ничего необычного, кроме рек, ее орошающей. В.О. Ключевский, который обратил на это внимание, добавил от себя, что «никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России».

Но вернемся к скифам.

Об этом народе много написано у самого Геродота, с ними воевал Александр Македонский – и они едва ли не первыми на южной границе славянского мира создали сильную державу, о воинское могущество которой разбивались армии не одних греко-македонцев. Так может, скифы и есть предки славян? Можно было бы присоседиться, кто проверит, что там было на самом деле несколько тысячелетий назад, – но язык, язык! Скифы были тюркоязычными, этот факт сейчас не вызывает возражений. Правда, знаменитый Нидерле разделяет скифов на собственно скифов, тех самых, что ходили походами, принимали послов Александра Македонского и сами отправляли послов к великим царям тогдашнего мира, – и скифов-пахарей, возможно, славян, которые находились под влиянием греко-скифской культуры. Их называли сколотами, тех славяно-скифов.

Конечно, скифы те и скифы эти жили на южных землях нашей страны, но это еще ни о чем не говорит. До скифов были киммерийцы, после скифов – сарматы, затем страшный удар гуннов смешал народы, разбросал их по всему свету. Однако многие исследователи считают, что славяне хотя и клонились под натиском киммерийцев, сарматов, скифов и гуннов, но, тем не менее, неуклонно и последовательно возвращались на свои исконные земли. Так где же они, эти земли?

Придется вернуться еще на несколько тысячелетий назад. По археологическим и лингвистическим источникам, самая ранняя область жизни носителей древней индоевропейской культуры в четвертом – третьем тысячелетиях до нашей эры локализируются в южнорусских степях (опять эти степи!), на юго-востоке Европы и северо-востоке Передней Азии. В третьем – втором тысячелетиях до нашей эры индоевропейские племена двинулись в Европу, а через Кавказ и Центральную Азию – на Индостан. Постепенно и последовательно формировались определенные этнические единицы, а проще говоря – народы с присущими только им культурами. Однако сколько еще неизведанного и загадочного на историческом пути того либо иного народа! Действительно, какие первоисточники у нас под руками? Во-первых, уже упомянутые археологические находки. Во-вторых, лингвистические исследования, особенно сравнительно-историческое языкознание. Третье – фольклорные тексты, которые включают мифологические имена и соответствующие мотивы. Ну и последнее – письменные свидетельства древних авторов: Геродота, Тацита, Плиния Старшего, Цезаря и других. Что касается славянской традиции – это летописи. Казалось бы, последние источники наиболее надежные, но вспомните того же Геродота: там и людоеды, и циклопы, и люди с песьими головами... А вот что он писал о неврах, северо-восточных племенах славян: «У невров обычаи скифские... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить, тем не менее, так говорят и даже клятвенно утверждают это».

Даже для Геродота истории про волколаков сказки, А Всеслав Чародей? А народные предания? «У нас рассказывали, что был один человек да перекинулся волком, а потом другой человек нашел в гумне воткнутый нож да вынул его, дак тот не мог перекинуться назад, потому что хвост оставался, бывало, едва в штаны утопчет тот хвост».

Это не из времен Геродота рассказ. Всего несколько лет тому назад записано.

Но есть и бесспорные вещи, например – единство основных мифологических мотивов, таких, как «небо – земля», древней семьи, которая дала начало всему сущему. Либо миф о битве небесного бога с подземным. У славян Перун бьет молнией в Велеса, и на землю обрушивается животворный дождь. Или миф о Нептуне-Посейдоне, владыке вод. Индоевропейское *d/ h/oh* – «вода», «источник», «криница» связано с древнеиндийским *Danu* («Дану», «поток»). Как тут не вспомнить названия рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай... А мифы, которые рассказывают о сотворении мира из хаоса? Небо – земля, день – ночь, вода – суша, солнце – луна, растения – животные – человек... Это общее индоевропейское наследие.

Специалистов и неспециалистов до сих пор не перестает удивлять близость санскрита, языка древней и средневековой Индии, с прусским и литовским языками. Много, очень много показывает на какую-то первооснову, прародину и праязык индоевропейских народов, но как дойти до них? Да и немало людьми сделано, чтобы туман, окутывающий прошлое, загустел сильнее, чем позднесеньская тьма.

Однако веда благоспешествует человеку, ведет по всем его земным путям, и до многого он все же доходит, несмотря ни на что.

А что же летописи, первые наши летописи, к которым у нас должно быть наибольшее доверие? К сожалению, «Повесть временных лет» не помнит, откуда и когда пришли славяне в Европу. Она застаёт наших предков уже на Дунае. Кстати, вот откуда в белорусских песнях (да

и не только в белорусских) столько упоминаний о Дунае. Взять хотя бы купальские: «Пятрова ночка невялічка, ой Дунаю, Дунаю...»

Или вот такая песня:

Девки на Троицу венки вили,
А на Купала развивали.
На Дунай-речку венки пускали.
Свою долю загадывали: —
Ой, коли доля – дак зелен сад,
А коли бездолье – дак сохни, свянь.

Или эта песня:

Кумилися две кумиченьки,
А третья не —
Просилися-молилися:
– Примите мяне.
Как пойдете в зелен сад,
Зовите мяне.
Как будете цветочки рвать,
Сорвите и мне.
Как будете веночки вить,
Свейте и мне.
Как будете на Дунай пускать
Пустите и мой.
Все венки поверху плывут,
А мой на дно пал,
Все дружки с войны идут,
А мой там пропал.

Действительно, наиболее значительные события не так быстро выветриваются из народной памяти – как и воспоминания о Дунае, где остались могилы прадедов.

Пойду в поле, погуляю,
Приду к речке ко Дунаю,
Подумаю-погадаю:
– А мой татка, соловейка,
Отчего ко мне в гости не ходишь?
– А как же мне в гости ходить?
Зимой, дитя, за снегами,
А летом за водами,
Зимой, дитя, в возочке
Да в новеньком козыречке,
А летом в челночке
Да в беленьком носовочке...

Так вот, из этой придунайской страны славяне расселились в разные стороны света. «По размешеньи же столпа и по разделеньи языкъ прияща сынове Симови вьсточныя етраны, а

Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша западь и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словене.

По мнозехъ же времяехъ сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце имянемъ Мараву, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хрвате белии и серебъ и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словени на дунайския, и седшемъ в них и насилящемъ имъ, словене же ови пришедшие седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от техъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и делаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзи седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северъ. И такъ разидеся словенский языкъ, темже и грамота прозвася словенская».

Волхи, или волохи, «насилящие» славян, это, конечно, римляне. В польском языке их потомки еще и сейчас зовутся «влохамн». Речь идет, видно, о разрушении императором Траяном царства даков.

Таким образом, первая наша летопись зафиксировала «разброд» славян по разным землям, а точнее – по разным рекам. Эти реки были прекрасными географическими координатами – и не только ими. Реки стали торговыми путями – собственно, ими они были во все времена, – в южные и северные моря поплыли лодии, далеко раздвигая пределы былой эллинской ойкумены. «Полянью же жившимъ особе по горамъ симъ, бе путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечетъ Волховъ и втечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понтъ море, в не же втечетъ Днепръ река. Днепръ бо потече из Оковьскаго леса, и потечетъ на полдне, а Двина ис того же леса потечет, а идетъ на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса потече Волга на востокъ, и втечетъ семьдесятъ жерель в море Хвалильское. Темже и из Руси можетъ ити по Волзе в Болгары и въ Хвалипсы, и на востокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двине въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечетъ в Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училь святой Оньдрей, братъ Петровъ, якоже реша».

В этом сообщении летописца есть некоторая путаница – как по Варяжскому морю можно идти до Рима и этим же морем до Царьграда? Недавно некоторыми исследователями было даже высказано соображение, что путь «из варяг в греки» лежал все же по Дунаю. Он и самый удобный, и получше обжит, и только по Дунаю можно попасть из Царьграда в Рим. Но, как и любая гипотеза, эта тоже небезупречна. Да, в общем-то, не в ней для нас самое главное.

В то время, когда славяне прочно осели на днепровско-днестровских берегах, появились новые свидетельства об их жизни. Иордан, историк ромейский. По происхождению гот или алан, Иордан в своей «Гетике» (551 г. н. э.) писал: «От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуется склавинами и антами.

Склавини живут от города Новистуна и озера, которое именуется Мурсионским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса... Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра».

Прокопий Кесарийский, еще один византийский историк, в том же шестом столетии записал следующее: «Они (анты) считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды... Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Вступая в битву, большинство из них идет на врага со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают, иные же не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, стянутые широким поясом на бедрах» («Война с готами»).

Псевдо-Маврикий, «Стратегикон»: «Племена славян и антов... многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. Находящихся у них в плену не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, на положении свободных и друзей.

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер; устраивают в своих жилищах много выходов...»

Далее Псевдо-Маврикий рассказывает, что воевать славяне любят в лесах, на кручах, умеют очень хорошо переправляться через реки с помощью камыша. Каждый воин вооружен двумя небольшими копьями, щитом, деревянным луком и короткими стрелами, намазанными особым ядом, сильно действующим. Нападать на славян надо летом, когда и тепло, и дороги, и фураж с удовольствием.

А мне хочется добавить от себя, что тогда, в VI веке нашей эры, на среднем Днепре было много лесов. Иначе где бы они прятались, те днепровские славяне?

И, наконец, последний историк VI века, Иоанн Эфесский, сириец по происхождению, оставляет нам такую запись в своей «Церковной истории»: «В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия II, вышел проклятый народ славян и прошел всю Элладу, области Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Так было в течение лет четырех, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток. Поэтому они, расположившись на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока бог им попускал. Они уничтожали, жгли и брали в полон до самой внешней стены и захватили много тысяч царских табунов и всяких других. И до сего времени (584 г. н. э.) они расположились и живут спокойно в ромейских областях без забот и страха. Они берут в плен, убивают, сжигают; они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия и обучены воевать более, чем ромеи».

Что ж, и тот же Иордан с грустью отмечал, что славяне, во времена Германариха очень слабые как воины и сильные только количеством, «теперь по грехам нашим лютуют повсюду».

Однако сделаем некоторые выводы. Представители классической истории считают, что в начале нашей эры славяне сидели на Карпатах. С третьего столетия с запада на них начали нападать готы, а в IV веке готский царь Германарих с огнем и мечом прошел сквозь их земли и создал сильную и великую державу, как писали многие ученые – первую на нашей земле.

Современная историческая наука (академик Б. Рыбаков и другие) оспаривает эту устаревшую теорию о «дунайской прародине». Самым главным ее минусом, считает Б. Рыбаков, является то, что текст знаменитой «Повести временных лет», очевидно, неправилен и запутан. Во-первых, этот текст не однажды редактировался начиная с XII века, а во-вторых, сам Нестор не назвал ни одного славянского племени на Дунае. До середины первого тысячелетия

нашей эры, пишет Б. Рыбаков в книге «Язычество древних славян», славяне не переходили через большую цепь европейских гор: Судеты, Татры, Бескиды и Карпаты. «Прародина славян в бронзовом веке рисуется в следующем виде: западная граница ее доходила до Одера и Варты, т. е. до Брандесбурга-Бранибора, который этимологизируется как «оборонный, пограничный бор». Северная граница шла от Варты на излучину Вислы и далее почти прямо на восток, оставляя к югу (внутри прародины) весь Западный Буг и Припять. Припять могла быть важным магистральным путем с запада на восток к Днепру. Северо-восточные рубежи прародины захватывали устья таких рек, как Березина, Сож, Сейм; нижнее течение Десны оказывалось внутри прародины. Вниз по Днепру граница доходила до Роси, а иногда до Тясмина (древней Тисмени). Южная граница шла от Днепра к Карпатам, пересекая в верхнем течении Южный Буг, Днестр и Прут. Далее граница скользит по северному склону Карпат и идет к верховьям Вислы и Одера».

Кстати, по его мнению, покорение славян Германарихом было всего только большим и удачным походом царя готов по землям эстов, мери, мордвы и венетов, или венедов, – славян. Следовательно, никакой державы Германариха и не было, один лишь поход вокруг Европы.

Таким образом, прародину славян надо искать меж Одером и Днепром, а никак не на Дунае.

Так что же первая наша летопись, «Повесть временных лет»? Отбросить и не принимать во внимание?

Я все же не думаю, что летопись эту как кто хотел, так и переписывал. Даже больше того – наш первый летописец Нестор основывался все же на тех событиях, которые остались в народной памяти, может, не на самих событиях, а на их отзвуке. И то, что до него дошло, записывал. Рассказывал про расселение славян. Про Кия, Щека и Хорива. «И быша 3 браться: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Седяше Кий на горе, гдеже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревича. И створиша градъ во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днепра; темъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюргороду; но се Кий княжаше в роде своемъ, приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби место, и сруби градокъ малъ, и хотяше сести с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущии; еже и донныне наречють дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животь свой сконча; и брать его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася».

Дошли до Нестора и трагические воспоминания об обрах-аварах, которые «примучивали» славян. «Въ си же времяна быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамъ дулебьскимъ: аще поехати будяше обърину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обърена, и тако мучаху дулебы. Быша бо объре теломъ велици и умомъ горди, и богъ потреби я, помроша вси, и не оставя ни единъ объринь. И есть притьча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследька. По сихъ же придоша печенези; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послезе при Олзе».

Можно верить или не верить этим свидетельствам нашей Начальной летописи, однако сейчас уже мало кто сомневается в автохтонности древнерусской культуры. Расселяться славяне, безусловно, расселялись, однако на Висле, на Днестре, на Припяти они всегда были.

Ясно, что нельзя целиком доверять только одному какому-то источнику – письменному, археологическому либо мифологическому. Достоверны лишь те сведения, которые проверяются в системе всех трех измерений. Но тем не менее бесспорно, что к VI веку новой эры на границе славянского мира и Византийской империи сложилась следующая ситуация. Один за другим собирались и рассыпались многочисленные и многолюдные племенные и межплеменные воинские союзы, в которые входили не только собственно славяне, но и те народы, что выделились из скифско-сарматского единства: геты, языги, роксоланы, аланы, бастарны, даки. Союзы возникали и распадались, под их ударами трещала оборонительная цепь крепостей Восточно-Римской империи – но все еще не разрывалась. Вот-вот должен был прозвучать неслышимый и непонятный отдельному человеку сигнал, по которому все эти орды, отряды, войска и гурты двинутся в наступление, и остановить его будут бессильны самые мощные заслоны. Да, готовилось Великое переселение народов, и важная роль в нем отводилась славянам. Балканы в том этническом составе, который мы сейчас видим, – вот результат этого переселения. А отчего народы трогаются с места, поднимаются со всем своим скарбом и уходят, оставляя могилы предков, – этого не знает никто. Несчетные курганы молчаливо стоят в степях, напоминая о неведомых нам народах, которые куда-то ушли. Во время Великого переселения многие народы исчезли – но это не значит, что они исчезли бесследно. Язык каждого из народов, которые сейчас существуют, когда-нибудь подскажет человеку, с кем этот народ соседствовал, с кем шел в неведомую землю, с кем породнился и сквозь кого прошел, как сквозь дым прощального огнища. Язык оказался самым надежным, самым устойчивым элементом человеческого мира, даже исчезая, народы оставляли себя в языке родственников, соседей, завоевателей.

И в VI веке нашей эры, как записал Прокопий Кесарийский, «неримляне», это значит – все «варвары», объединились против общего врага и с грохотом опрокинулись на Рим». Это было начало конца второго Рима.

А на днепровских кручах, на озере Ильмень, в припятских пушах и болотах, на холмах Вольни и озерно-лесистой земле кривичей уже взрастала Киевская Русь.

Я все же склонен думать, что на Балканы ринулась та часть славянских воинских союзов, которая бродила, как хмельное варево, на самом пограничье империи и страны варваров. Но и этой части было достаточно, чтобы назвать тот поток могучим. Основная же часть славян осталась на своих «дедичных» землях. Нет, она не сидела на одном месте, тоже безостановочно двигалась на запад, на север и на восток, однако это было спокойное движение, мирное, славяне шли как пахари, как охотники, как торговцы-заготовители – одним словом, как добрые люди в гости к таким же добрым людям.

И вот она – Киевская Русь. Сколько споров велось и ведется вокруг этого слова – Русь. Действительно, скифы у Геродота, анты и склавины у византийских историков, наконец, венеды у Иордана, и вдруг – Русь, русские земли, русские князья, русская держава. Академик Б. Рыбаков считает, что ничего странного нет, была и есть река Рось, самый центр славянской ойкумены, на ее берегах жили росы, ну а от росов до русов даже и полшага нет. «Одна и та же область – лесостепное Среднее Поднепровье... сделалось ядром Киевской Руси с городами Киевом, Черниговом, Переяславлем. В Средние века именно этот регион носил название «Русской земли» в узком понимании термина, который возник, вероятно, не без связи с районом реки Рось, где во все времена находились наиболее яркие археологические памятники днепровских пахарей», – пишет Б. Рыбаков в книге «Язычество Древней Руси».

Но отчего тогда в наших первых летописях есть поляне, словены, древляне, кривичи, радимичи, вятичи, дреговичи, полочане, север, бужане, вольняне; очень старательно перечислены те, кто давал дань Руси – чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимгола, корсь, нерома, либь; рассказывается про болгар и угров, о том, что дулебы жили по Бугу, уличи и тиверцы сидели на Днестре и соседствовали с Дунаем, – а о росах ни слова? Даже больше того. «Въ лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и

почаша сами в собе володети, и не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в собе: «Поимщемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тыи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, ангыляне, друзии гъте, тако и си. Реша руси, чюдь, словени, и кривичи, и весь: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами». И избърашася 3 братья с роды своими, пояша на собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрикъ, седе Новегороде, а другой, Синеусъ, на Беле-озере, а третий Изборъсте, Труворъ. И от техъ варягъ прозвася Руская земля, новгородъци, ти суть людье ноугородъци от рода варяжска, преже бо беша словени. По дву же лету Синеусъ умре и брать его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Поло-тескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перь-вии насельници в Новегороде словене, въ Полотъски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста: «Чий се градокъ?» Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седимъ, родъ ихъ, платяче дань козаромъ». Аскольдъ же и Дирь ооста въ граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею, Рюрику же княжашу в Новегороде».

Вот на этой записи «Повести временных лет» и основалась известная норманнская теория Шлецера, которую в прошлом столетии поддерживали Карамзин, Погодин, Соловьев, да и теперь у нее немало сторонников. Согласно этой теории, пишет В. Ключевский, «до половины IX в., т. е. до прихода варягов, на обширном пространстве нашей равнины, от Новгорода до Киева по Днепру направо и налево, все было дико и пусто, покрыто мраком; жили здесь люди, но без правления, подобно зверям и птицам, наполнявшим их леса... Итак, нашу историю следует начинать не раньше половины IX в. изображением тех первичных исторических процессов, которыми везде начиналось человеческое общежитие, картиной выхода из первобытного дикого состояния. Другой взгляд на начало нашей истории прямо противоположен первому... Наиболее полное выражение его можно найти в сочинениях профессора Московского университета Беляева и у Забелина, в первом томе его «Истории русской жизни с древнейших времен». Вот основные черты их взгляда. Восточные славяне искони обитали там, где знает их наша Начальная летопись; здесь, в пределах русской равнины, они поселились, может быть, еще за несколько веков до Р. Х.».

Казалось бы, какая разница, кто был Рюрик и откуда он пришел. Однако на Западе, да и не только там, последовательно и целенаправленно проводится мысль; славяне даже в самом начале не способны были создать свое государство, какая уж там цивилизация!.. И как стяг поднимают имя варяга Рюрика. Тут же вспоминается целый сонм немецких фамилий на русском престоле, мол, Екатерина II до смерти говорила со специфическим акцентом...

Однако и тогда и теперь было и есть много историков, которые очень спокойно относились к нерусскому происхождению Рюрика. Б. Лисин в своей статье в «Литературной России» «Откуда родом Рюрик» познакомил читателей с интересными фактами. Оказывается, еще М.В. Ломоносов выводил происхождение Рюрика из полабских славян. Об этом же писал В. Чивилихин в своем известном романе-эссе «Память». На севере ГДР, на территории бывшего герцогства Мекленбург, пишет Б. Лисин, «на рубеже X века жили многочисленные славянские племена ободритов, вендов, ругов и другие. Одно из этих племен называлось варины или вэринги, в русском языке это звучало как варяги. Близкое им славянское племя по языку и культуре было руги, руяне или русы, проживавшие на острове Рюген. Причем этот остров занимал совершенно особое положение в мире славян. Многие авторы, в частности Саксон Грамматик, подчеркивали, что находящийся на острове храм почитала «вся Славянская земля».

Интересно, что в письме к рюгенским князьям в 1304 году папа Бенедикт IX обращается как к «возлюбленным сынам, знаменитым мужам, князьям русских». Даже город Любек по документам 1373 и 1388 годов помещается в России. А разве случайно, что последняя жительница острова Рюген, говорившая по-славянски и умершая в 1402 году, носила фамилию Голицына?»

И дальше он, основываясь на исследованиях профессора А. Кузьмина и своих собственных поисках, выводит, что Рюрик, Трувор и Синеус были сыновьями короля Годлайба (Годлава, Годослава), который погиб в 808 году в войне с датчанами. Лишенные престола, братья вынуждены были искать счастья на чужбине – и нашли его в Новгороде.

Что ж – великая страна Славяния! И нет ничего странного в том, что славяне из-под Лабы или из-под Вислы шли к своей родне на озере Ильмень. Послушайте, как звучат названия поселений там, на севере Германии: Белов, Буров, Волков, Глазов, Грибов, Карпов, Лисов, Луков, Русов, Медов, Старгород. Люди довольно часто переходят из старого города в новый. Да и не намного большее расстояние между ругами-русами, чем между росами-русами. Собственно, о первых и в летописи написано: «Сице бо ся зваху тьи варязи русь». Если бы летописец что-то путал или чего-то не знал, он не растолковал бы так точно, что другие народы в тех землях зовутся свеями, англянамб, готами.

А. Кузьмин в статье «Крещение Руси: концепции и проблемы» отмечает, что «исследователи не считаются с фактом одновременного существования множества «Русий». Только на территории Восточной Европы «Русь» известна, по крайней мере, в четырех местах: Среднее Поднепровье, Прикарпатье, Причерноморье, побережье Каспия. В XIII веке какая-то «Русь» упоминается в Мордовии. В четырех местах известна «Русь» в Прибалтике: остров Рюген с прибрежной полосой (включая Шлезвиг), устье Немана, устье Западной Двины, Западная Эстония (области Роталия и Вик). Упоминается «Русь» также в разных частях Балканского полуострова и некоторых других местах».

Но дальше А. Кузьмин все же отмечает, что больше всего источников известно как раз по Руси Дунайской, а французские источники название «Русь» (Дунайскую) упоминают чаще, чем Германию. Одновременно те же источники знают и Русь Киевскую.

Осмысливая все вышесказанное, уже будто и нет нужды отрицать приход в Новгород Рюрика с братьями, мол, и Рюрика не было, и летопись редактировалась, и дописывалась туда всякая непотребщина. Безусловно, этот вопрос еще ждет своих исследователей, мы же сосредоточимся на этногенезе восточнославянских племен.

Киевская Русь начала объединять восточнославянские племена, вероятно, с V века нашей эры. Во всяком случае, Б. Рыбаков считает, что легендарный Кий заключил союз с византийским императором Анастасием в конце V – первой трети VI веков. К этому же времени принадлежат находки византийских монет на старокиевской горе и на Подоле в Киеве. Значит, город уже тогда стоял на днепровских берегах, уже из города-крепости плыли лодии воев и купцов к Царьграду.

Но Киев – не просто город. Это уже великая земля, великая держава. Из кого она складывалась? Читаем летопись.

«Поляномъ же жиущемъ особе, якоже рекохомъ, сущимъ от рода словеньска, и нарекошася поляне, а деревляне от словенъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лесех, – Радим, а другой Вятко, – и пришедъша седоста Радимъ на Съю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи. И живяху в мире поляне, и деревляне, и северь, и радимичи, вятичи и хрвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне, а улучи и тиверьци седяху бо по Днестру, приседяху къ Дунаеви. Бе множество ихъ; седяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая Скуфь».

Да, вот мы и пришли к самому главному: теперь я буду больше говорить о кривичах, радимичах и дреговичах, племенах, которые дали начало нынешним белорусам. Но, прежде чем пристально взглянуть в заприпятские земли Киевской Руси, необходимо сказать несколько слов о давних славянских богах. Без этого не обойтись, потому что вместе с созданием Киевского государства произошла замена пантеона многочисленных языческих богов на одного бога, бога-отца, бога-сына и святого духа. Не просто распятый и воскресший бог от матери человеческой заменил деревянных и каменных болванов, а переиначился духовный мир наших предков. Глаза, которые видели лишь леса, реки и горы, которые видели только себя и себе подобных, на этот раз остановились на чем-то другом. Душа человеческая предстала перед человеком земным во всей своей глубине и величии. Идея бессмертия души, а равно человека, основалась на идее нравственной красоты. Бог как нравственный символ освятил земную жизнь человека.

Илларион в «Слове о Законе и Благодати» писал: «И уже не идолослужителе зовемся, но христиани, не еще безнадежничи, нъ уповающе въ жизнь вечную. И уже не капище сътонино съграждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ, уже не закалаемъ бесомъ другъ друга, нъ Христоръ за ны закалаемъ бываеъ и дробимъ въ жертву богу и отьцю. И уже не жертвенныя крове въкушающе погыбаемъ, нъ Христовы пречистыя крове въкушающе съспасаемся. Вся страны благый богъ нашъ помилова и насъ не презре, въсхоте и спасе ны, и въ разумъ истинный приведе.

...И въ едино время вся земля наша въ славе Христа съ отцемъ и съ святымъ духомъ. Тогда начать мракъ идольский отъ насъ отходити и зоре благоверия явишася, тогда тма бесослуганиа погыбе и слово евангельское землю нашу осия, капища раздрушаахуся и церкви поставляахуся, идолы съкрушаахуся и иконы святыхъ являахуся, беси пробегаяаху, крестъ грады свящаше...»

А вот Кирилл Туровский, самый поэтичный из древнерусских проповедников: «Ныня зима греховная покаяннемъ престала есть и лед неверия богоразумиемъ растаяся; зима убо язычскаго кумиролужения апостолскимъ учениемъ и Христовою верою престала есть, ледъ же Фомина неверия показаниемъ Христов ребрь растаяся. Днесъ весна красуеться, оживляющи земное естъство, и бурьинии ветри тихо повевающе, плоды гобъзуютъ, и земля семана питающи зеленую траву ражаеъ. Весна убо красная есть вера Христова, яже крещениемъ поражаеъ человеческое паки естъство; бурнии же ветри – грехотворнии помыслы, иже покаяннемъ претьворышеся на добродетель душеполезныя плоды гобъзуютъ; земля же естъства нашего, аки семя слово божие приемши и страхомъ его болящи присно, дух спасения ражаеъ».

Торжественные слова Кирилла Туровского удивляют нас не только христианским пафосом, но и чрезвычайно сильным языческим духом. Да, проповедник истинной веры епископ Туровский в своих «Словах» опирался на поэтическую традицию славян-язычников. Весна красная, холмы высокие, ветры буйные, деревья дубравные – разве не из «веснянок» это? А фольклорный параллелизм, который объединял византийскую и народно-поэтическую традиции? Творчество зачинателя белорусской изящной словесности – это вершина эпохи двоеверия, когда христианство еще не победило язычества. Собственно говоря, недаром было когда-то сказано: старые боги умирали, а новых так и не принял белорусский народ...

Так что же за боги владели душами радимичей, дреговичей, кривичей? Исчезли они бесследно или все же подают еще голос из леса, с поля и реки? Замена одних богов другими не обходилась без неизбежных потерь. А полный отказ от богов?...

«Повесть временных лет» подробно рассказывает о крещении Руси, однако языческих богов она почти не называет. Владимир Ясное Солнышко «яко приде, повеле кумиры испроврещи, овы исещи, а другия огневи предати. Перуна же повеле привязати коневу къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бесу, же прелщаще симъ образомъ человеки, да възмездье приметь от человека. «Великий еси, господи, чудна дела твоя!» Вчера чтимъ от человекъ, а днесъ поруга-

емь. Влекуму же ему по Ручаю к Днепру, плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша и въ Днепръ».

Но есть еще одно свидетельство из тех времен – «Слово некоего христороубца, ревнителя по правой вере»: «Ако Илья Фезвитянинъ, заклавый ерея жерца идольския числом 300 и рече: «Ревнуя, поревновахъ по господе вседержители», тако и сеи не мога терпети хрестьян двоeverно живущих, и верують в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Ръгла, и въ Вилы, ихъ же числом 39 сестриць. Глаголять невегласи и мнять богинями и так покладывахуть имъ теребы, и куры имъ режут, и огневе молятся, зовуще его Сварожичемъ, и чесновиток богомъ же его творят». И дальше: «Того ради не подобает крестьяномъ игръ бесовьскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, песни мирьския и жертвы идольския, еже молятся огневе под овиномъ, и Вилам, и Мокоше, и Симу, и Ръглу, и Перуну, и Роду, и Рожанице...»

Это «Слово» для нас ценно по двум причинам. Первая – здесь перечислены поганские боги, которым поклоняются «лже-христиане». Вторая – оно дает нам возможность увидеть истинную картину тогдашней духовной жизни. Двоеверие – вот что было характерно для XI–XII веков. Собственно, летописная Литва была окрещена в православие туровским епископом только в 1405 году. Значит, последнюю границу можно отнести намного дальше.

Древний автор перечислил для нас часть языческого пантеона богов, которых еще не забыли в те времена. Перун – бог войны, дождя и грома. Хорс (он же Ярило, Дажьбог, Сварог) – бог солнца, животворящей силы природы. Мокошь (у Б. Рыбакова Макошь) – богиня урожайности, заступница всех женщин. Сим и Регл, или Семарг – божество, которое охраняет семена и всходы, рисовали его как крылатую собаку. Вилы, они же русалки – богини утренних туманов, росы на полях, представляли они в виде дев с распущенными волосами. Последние вместе с волколаками почему-то лучше других «нечистиков» сохранились в памяти белорусов. Вот что было записано в одной из лингвистических экспедиций на белорусское Полесье совсем недавно: «Русавка – такая будто баба с распущенной косянкой, они сидят, колышут детей на тех местах, где пуши были. До Купального Ивана не купались, потому что русавки были в воде, а после Купального Ивана шли они в жито. Говорили, что русавки когда-то были девками, вот какая-нибудь из них уже запилась, заручилась, а замуж не пошла. И дитя, которое некрещеное умрет, – тоже русавка».

Род – языческое божество природы, вселенной и урожайности. Рожаницы – заступницы женщин-рожениц, богини всего живого. Ну а Сварожичи – сыновья Сварога.

Конечно, сейчас мы хорошо знаем, что это далеко не полный перечень языческих богов. Но надо учесть, что, во-первых, для автора «Слова» те боги были всего только «бесовским порождением», которое надо было уничтожать и искоренять, а во-вторых, ему было абсолютно все равно, кто из этих богов главный, а кто подручный. Перун стоит где-то за Симом и Реглом. Возможно, это умышленная ошибка – мол, самое ему там место, поганцу, разбрасывающемуся молниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.